

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

А. П. Заостровцев¹

канд. экон. наук, доцент кафедры экономической теории и мировой экономики Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЦИКЛЫ: АНАЛИЗ АВСТРИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

Поразивший планету экономический кризис упорно приписывается избытку рыночных свобод и нехватке государственного регулирования. Такого рода утверждения становятся столь распространенными, что общественное мнение воспринимает их уже как очевидную истину, не подлежащую критическому обсуждению. Это восприятие причины постигшей беды вполне отвечает идеалу бюрократии всего мира: меньше рынка — больше государства. И надо признать, экономический кризис создал прекрасный повод для старта как по пути огосударствления всего и вся, так и по пути государственного вмешательства во все.

Тем не менее и в самой сложной ситуации не стоит забывать, что государство — не лекарство. Оно, скорее всего, есть тот яд, который, проникая в систему свободного, взаимовыгодного взаимодействия людей (рыночное хозяйство), медленно, но верно разрушает ее изнутри, что и выражается в регулярных кризисах. Однако поскольку они проявляются через падения биржевых индексов, обесценение активов, несостоятельность банков, разрушение кредита, рассогласования спроса и предложения, то нет ничего более «удобного», чем увидеть за всем этим несостоятельность рынка.

Наиболее последовательно противостоит крепнущему на глазах убеждению в ответственности рынка за кризис лишь австрийская школа экономической мысли, которая достаточно давно выявила провалы государства и показала его разрушительную силу. В том числе и его центральную роль в запуске механизма экономических циклов.

«Нищета философии» и игнорируемое учение

По мере развертывания кризиса нарастает и кризис современной макроэкономической теории. Дело в том, что все ее течения (будь то монетаризм, новая классика или кейнсианство, трансформировавшееся в кейнсианство с приставкой «нео») не в состоянии объяснить природу экономических циклов. Причем не просто показать, какие явления сопровождают последовательные подъемы и спады, или продемонстрировать модели, описывающие механизм перехода от одной фазы цикла к другой, но именно объяснить кризисы как повторяющиеся и закономерные явления, вытекающие из внутренних свойств организации экономической жизни.

¹ Эл. адрес: zaoand21@mail.com

Подавляющее большинство экономистов начинают анализ циклов с абсолютно произвольного допущения о случайном начальном толчке (на научном языке — шоке). При этом такой внешний шок, в отличие от «большого взрыва» в астрономии, — отнюдь не разовое, однажды произошедшее событие. Эти шоки хаотически повторяются через различные временные интервалы. Кроме того, что этих шоков много, они еще и разные по своему содержанию.

Тут самое время прибегнуть к цитированию одного из самых известных учебников макроэкономики. «Предположим, — пишут его авторы, — что экономика подвержена случайным, но повторяющимся возмущениям, шокам, или толчкам. Они могут повлиять на спрос (например, на настроение предпринимателей или настроение потребителей, которые могут стать в результате этого либо оптимистическими, либо пессимистическими; на политику властей), а также на предложение (например, небывало низкий или высокий урожай и природные катастрофы; важные изобретения или открытия, типа изобретения горна для выплавки стали, железных дорог, электричества или компьютеров, в том числе персональных; общественные беспорядки)» (Бурда, Виплош, 1998, с. 337).

Таким образом, из приведенного текста можно заключить, что толчком может быть практически любое событие, случившееся (или даже еще не случившееся) в истории человечества. Однако для подкрепления этого вывода продолжим цитирование. «Список потенциальных толчков бесконечен. Вообразите себе события, незначительные и крупные, благоприятные и неблагоприятные, которые повторяются регулярно, если не предсказуемо. Подобно каплям дождя, создающим рябь на озерной глади, эти шоки «вышибают» экономику из ее нынешнего положения и вызывают цепную реакцию» (Бурда, Виплош, 1998, с. 337).

И далее: «Данные толчки (нередко называемые **импульсами**) изменяют условия спроса и предложения в экономике. Испытав единожды случайный толчок, народное хозяйство вступает в процесс детерминистической корректировки... Механизм распространения преобразует импульсы в колебания» (Бурда, Виплош, 1998, с. 337). Наконец, авторы заключают: «Нет необходимости искать причины маловероятного самоподдерживающегося цикла¹. Достаточно принять ту точку зрения, что экономика регулярно подвергается воздействию нескончаемых толчков и никогда не возвращается к своему стационарному состоянию» (Бурда, Виплош, 1998, с. 337). Эта идея, как справедливо замечают они, является краеугольным камнем современной теории делового цикла. В принципе, на этом разговор о видении экономистами мейнстрима генезиса цикличности можно и закончить, добавив, что все шоки они делят на позитивные (толкающие экономику вверх) и негативные (толкающие ее, соответственно, вниз)².

На фоне такой «нищеты философии» макроэкономических школ в вопросе объяснения истоков цикличности выделяется игнорируемое современным эконо-

¹ Под «самоподдерживающимся циклом» имеются в виду колебания выпуска в разработанной Полом Самуэльсоном (1915) и Роем Харродом (1900—1978) модели «мультипликатора-акселератора» В этой эндогенной трактовке вероятность повторяемости циклов — крайне маловероятное событие (Бурда, Виплош, 1998, с. 334—337).

² О том, как различные школы в макроэкономике по-разному объясняют далее механизмы развертывания экономического цикла после начального толчка (Никифоров, Антипина, Миклашевская, 2008). Тем не менее всем им присущ экзогенный подход к трактовке начального импульса, порождающего кризисы. Справедливости ради стоит заметить, что в современной экономической литературе все чаще отмечаются серьезные недостатки моделей бизнес-циклов, базирующихся на разного рода шоках и экзогенных трактовках. Появляются не только эндогенные объяснения экономического роста, но и экономических циклов (Матвеевко, Гуревич, 2000, с. 285—287).

номическим мейнстримом учение — так называемая австрийская школа¹. Видные ее фигуры в XX в. — экономисты австрийского происхождения — Людвиг фон Мизес (1881—1973) и Фридрих фон Хайек (1899—1992) — выдвинули свою оригинальную теорию циклов².

Теоретическое наследие Мизеса и Хайека получило дальнейшее развитие в трудах американского «австрийца» — экономиста Мюррея Ротбарда (1926—1995). В том числе и их учение о кризисах (Ротбард, 2002, с. 150—171). Из ныне здравствующих экономистов этого направления выделим испанца Уэрта де Сото и его замечательную книгу «Деньги, банковский кредит и экономические циклы» (Уэрта де Сото, 2008). Она и послужит нам в дальнейшем в качестве опорного материала в деле изложения австрийской теории экономических циклов.

Банковское дело как нарушение прав собственности

Банковское дело с первых шагов строилось, по большей части, на нарушении прав собственности. А это имеет далеко идущие последствия. Уэрта де Сото в этой связи пишет о так называемом правиле Хайека: «Хайек пронищательно установил, что всякий раз, когда нарушается традиционный принцип права, это нарушение рано или поздно оказывает негативное воздействие на общество» (Уэрта де Сото, 2008, с. 5).

Так в чем же заключается нарушение? Дело в том, что банки резервируют лишь небольшую часть денег на вкладах до востребования, т. е. держат наготове на случай прихода за ними тех, кто сдал их им на хранение (как известно, это называется частичным резервированием). Основную же их часть они выдают в виде кредитов.

Эта деятельность банков стала настолько привычной, что невольно возникает вопрос: а как же иначе? Однако вдумайтесь для начала хотя бы в тот факт, что банк не заключал договора об использовании таких денег в качестве источника предоставления кредитов. Напротив, он прописал в договоре возврат их по первому требованию. А выполнить это условие не в состоянии, коли исполнения договора потребуют не то что все, а какая-то заметная часть клиентов³.

И тут мы вплотную подходим к тому, что банковское дело строится на абсолютно неоправданном смещении договора займа и так называемого договора поклада (договора о передаче на хранение). Давайте начнем с последнего.

Чем же отличаются деньги, положенные на счет до востребования, от, например, помещенного под охрану автомобиля? Только тем, что деньги — это заменимый товар (иначе говоря, вам ведь все равно, отдадут вам назад именно те купюры, которые вы поместили в банк, или другие купюры на ту же сумму). В связи с этой особенностью денег договор о сдаче их (и подобных им

¹ В популярной форме основы экономического учения австрийской школы изложены в книге Дж. Кэллахана (Кэллахан, 2006). Гораздо более основательное раскрытие этого направления экономической мысли можно найти в работах Н. П. Берри (Берри, 2002, с. 81—105) и Уэрта де Сото (Уэрта де Сото, 2007). Наиболее полный обзор концепций этой школы можно найти в Элгаровском путеводителе по австрийской экономике (The Elgar Companion to Austrian Economics, 1994).

² В оригинальном и наиболее кратком изложении эта теория представлена Мизесом (Мизес, 2002, с. 103—111). Более подробно она раскрыта им же в его фундаментальной работе «Человеческая деятельность: трактат по экономической теории» (Мизес, 2005, с. 502—547). Впервые же Мизес сформулировал развитую им в дальнейшем концепцию экономических кризисов еще в 1912 г. в работе «Теория денег и кредита». Что касается Ф. Хайека, то здесь можно указать на его работу 1931 г. (Хайек, 2008), а также на не изданную на русском языке работу 1933 г. «Денежная теория и торговый цикл» (Науек, 1966).

³ Так, крупнейший сберегательный банк США Washington Mutual обанкротился в сентябре 2008 г., когда из него за 10 дней было изъято 16,5 млрд долл. из общего портфеля депозитов в 188 млрд, т. е. даже менее 10% суммы вкладов (Reckard, Hsu, 2008).

заменяемых вещей) на хранение юристы относят к договорам иррегулярной поклажи.

Однако принципиальное свойство всех договоров поклажи одно — в любой момент все их заключившие могут обратиться за своей собственностью к хранителю. И если в случае иррегулярной поклажи возможна замена одних однородных благ на другие, то из этого вовсе не вытекает полномочие передавать какую-либо часть из переданной на хранение суммы в пользование третьему лицу. Эта сумма *всегда* должна быть доступна вкладчику. В результате обязательным требованием к хранителю денег должно быть их 100%-ное резервирование.

Сдающий же деньги на хранение, со своей стороны, не только не вправе требовать проценты, но и должен платить банку за хранение и осуществление разного рода операций с этого счета. В сущности, он может лишь пользоваться счетом наподобие банковской ячейки, разве что с дополнительным удобством в форме проведения безналичных расчетов.

Сразу же предвидится вопрос: а как же кредит — эта душа бизнеса? Ведь без него все застопорится! На самом деле так. Но тут надо отличать договор поклажи от договора займа. Если сущность первого — в хранении и обеспечении сохранности денег, то сущность второго — в уступке заемщику оговоренной денежной суммы для использования по его усмотрению с тем, чтобы в конце обозначенного срока получить от него большую сумму. Во втором случае займодавец уступает на оговоренное время собственность на вложенные деньги заемщику, а следовательно, не вправе требовать их возврата досрочно. Вот только в размере этих вложений (оформленных договорами займа) банк и вправе выдавать кредиты.

Нередко в оправдание смещения договора поклажи и договора займа приводят то соображение, что владельцы вкладов до востребования заключают договоры, полностью понимая и принимая тот факт, что банкиры инвестируют большую часть положенных на хранение денег. Однако это исключает исполнение самой сути договора — возврата хранимых денег по первому требованию. В результате он с правовой точки зрения становится ничтожным. И превращается фактически в иной договор — договор *пари*, выполнение которого становится неопределенным событием, зависящим от непредвиденных обстоятельств (сколько вкладчиков и когда востребуют свои деньги у банка).

В табл. 1 кратко сформулированы главные различия договора иррегулярной поклажи и договора денежного займа. Различия экономические и различия правовые.

С экономической точки зрения человек добровольно жертвует частью нынешнего потребления ради потребления в будущем. В то же время, как известно, ценность благ будущего ниже ценности таких же благ в настоящем. Отношение последней к первой больше 1. А значит, чтобы уравнять эти ценности во времени, нужно отдавать жертвователю больше, чем он пожертвовал. Этот прирост, отнесенный к стоимости жертвы, и есть процент.

Смысл действий займодавца, наверное, ясен. А какой же резон у заемщика? Предположим, что займодавец и заемщик живут в очень примитивном обществе и собирают плоды. Первому достались более плодородные деревья, и плодов с нижних веток ему хватает не только на то, чтобы полностью насытиться, но и регулярно получать некий их излишек. Второму же плодов с нижних веток едва хватает на собственное пропитание. И он задумал сделать лестницу, чтобы доставать плоды с верхних веток. Однако в силу указанных обстоятельств он вынужден целый день работать только на свой желудок и у него совсем не остается времени на изготовление лестницы.

Легко догадаться, что он обратится к более удачливому соседу с просьбой предоставить ему взаем часть плодов на какой-то период, за который он сможет

Таблица 1

Главные различия между договорами

Денежная иррегулярная поклажа	Денежный заем
<i>Экономические различия</i>	
1. Настоящие блага не обмениваются на будущие блага	1. Настоящие блага обмениваются на будущие блага
2. Обеспечивается полная и постоянная доступность для поклажедателя	2. Полная доступность переходит от займодавца к заемщику
3. Нет выплаты процентов, так как не происходит обмена настоящих благ на будущие	3. Выплачиваются проценты, так как настоящие блага обмениваются на будущие блага
<i>Правовые различия</i>	
1. Сущность договора — хранение и обеспечение сохранности денежной суммы	1. Сущность договора — переход доступа к деньгам к заемщику
2. Не оговаривается срок возврата денег; они возвращаются по первому требованию	2. Требуется определение срока возврата займа, начисления и выплаты процентов
3. Обязанность хранителя заключается в поддержании денежной суммы в достояемости для поклажедателя (100%-ный резерв наличности)	3. Обязанность заемщика состоит в возврате денежной суммы в конце срока займа и в уплате согласованного процента.

изготовить лестницу и с помощью нее собрать куда больше плодов, чем нужно ему для пропитания¹. Потом он возвращает плоды, в заранее оговоренном количестве превышающем взятые, но зато получает в свое распоряжение физический капитал (лестницу), заметно повышающий его производительность.

Вернувшись же из представленного в нашем примере примитивного общества, заметим, что нынешняя реальность сильно отличается от расписанных в табл. 1 условий. Не только нарушается требование 100%-ного резервирования, но и по срочным счетам часто выплачиваются проценты (правда, очень небольшие). С другой стороны, предусмотрено досрочное изъятие «срочных вкладов», которое, по идее, должно полностью исключаться договором займа. Это смешение еще больше запутывает принципиальное различие между поклажей и займом: не только первая приобретает чуждые ей характеристики второго, но и наоборот.

Итак, получается, что банковская история — это история нарушений прав собственности. Фактически, история мошенничества, которое было легализовано властями, прямо заинтересованными в тех финансовых возможностях, которые открывались перед ними благодаря неправовой постановке банковского дела. Давая привилегию банкирам нарушать право собственности, правители сами получали привилегированный доступ к кредитам для финансирования своих непомерных appetitов.

Как констатирует Уэрта де Сото, государство «вместо того, чтобы добросовестно защищать права собственности, почти с самого начала поддерживало бесчестные действия банкиров, освобождая последних от налогов и наделяя приви-

¹ Из этого примера хорошо видно, что сбережение не есть некая «утечка» из кругооборота благ (как любят представлять дело сторонники мейнстрима, в особенности кейнсианцы), а, в сущности, передача потребительских благ от одного лица (займодавца) к другому (заемщику). Здесь «австрийцы» вводят понятие «ресурсный фонд», под которым понимают «совокупность товаров, предназначенных для поддержки будущего производства, которыми располагает экономика» (Шостак, 2003, с. 229). В нашем примере таковой фонд состоял из накопленных плодов. Кейнсианцы ошибочно отождествляют сбережение с тезаврированием, когда это два принципиально различных явления. «Сберечь означает расходовать. Тот, кто делает сбережения, передает часть своей покупательной способности тому, кто берет в долг» (Джексон, 2003, с. 162).

легиями с целью использовать эту деятельность в своих интересах» (Уэрта де Сото, 2008, с. 35). В итоге «формировался все более и более тесный симбиоз, или общность интересов между государством и банкирами, — отношения, которые в значительной степени существуют по сей день» (Уэрта де Сото, 2008, с. 36).

Деньги из ничего

В чем проблема? Только ли в том, что владельцы вкладов до востребования, разом явившись в банк, не получают своих денег? Не только! Экономисты австрийской школы из этого факта перманентного нарушения прав собственности развернули целую логическую цепочку последующих событий, которые в конечном счете ведут к экономическому кризису.

Вкратце она такова: во-первых, займы, не обеспеченные добровольными сбережениями, есть деньги из ничего; во-вторых, этот искусственно созданный избыток заемных средств занижает процентную ставку; в-третьих, заниженная процентная ставка ведет к излишним инвестициям, которые перекашивают производственную структуру в пользу выпуска капитальных благ; и, наконец, когда в конце концов факт этого перекаса обнаруживается рынком, наступает остановка сбыта и кризис.

Для начала посмотрим, как возникают эти самые «деньги из ничего». Возьмем самую простую схему. Представим, что некий господин X открыл в банке А депозит до востребования на 1 млн неких денежных единиц (д. е.). В свою очередь, банк А отложил 10% этой суммы в резерв на случай обращения вкладчиков, а на оставшиеся 900 тыс. предоставил кредит предприятию Z. В табл. 2 представлены бухгалтерские записи (проводки) этих операций.

Таблица 2

Операции банка А

Дебет		Кредит	
1 000 000	Денежные средства	Депозит до востребования (открытый г-ном X)	1 000 000
900 000	Кредит предприятию Z	Денежные средства	900 000

И вот здесь происходит «чудо»: 900 тыс. возникают в буквальном смысле из ничего! При этом на рынке два разных экономических агента одновременно и совершенно обоснованно полагают, что эти деньги их. Г-н X считает их своими в составе того миллиона, который он сдал в банк на хранение, а предприятие Z также смотрит на них как на свои и реально распоряжается ими.

В итоге рассмотренной операции количество денег выросло с 1 млн до 1 млн 900 тыс. Из них 900 тыс. физически вообще не существуют. Они не имеют соответствующего обеспечения и работают как деньги исключительно благодаря доверию вкладчика X к банку А. Поэтому их называют *фидуциарными деньгами* (фидуциарный означает «основанный на доверии»).

Обратим внимание на то, что при договоре займа такое не имеет места. Вкладчик не претендует на внесенные в банк деньги в течение известного периода времени; на этот временной отрезок он перестает быть их владельцем, что резко контрастирует с предшествующей ситуацией. Новые деньги из ничего не создаются. В этом случае, кстати, не нужен и механизм резервирования, сам факт которого при выдаче кредитов из внесенных до востребования средств есть лучшее признание самими банкирами сомнительного характера операции.

В связи со всем вышесказанным обратим внимание на такой факт, что противоправная суть операции кредитной экспансии становится очевидной, если

рассмотреть выпуск банками банкнот на сумму, превышающую объем принятых на хранение денег. Тут «банкиры нарушают универсальный принцип права и совершают преступление не только фальшивомонетничества (выпуская поддельную депозитную расписку, не обеспеченную соответствующим вкладом), но и преступление мошенничества, так как представляют в качестве средства платежа документ, который в действительности не имеет обеспечения» (Уэрта де Сото, 2008, с. 186).

В то же время «между выпуском необеспеченных банкнот и расширением из ничего банковского кредита, обеспеченного кредитами, созданными из ничего, нет разницы» (Уэрта де Сото, 2008, с. 190). Однако сложилось так, что человечество объявило вне закона лишь первую операцию, а вторую признало законной. Но ведь все могло сложиться и по-другому. В 1844 г. в Великобритании был принят Закон Пиля, который запретил банкам выпуск не обеспеченных на 100% золотом банкнот. Если бы он распространил это требование и на депозиты до восстановления, то история человечества, очевидно, была бы иной.

Возвращаясь же в ту историю, какая есть, стоит подчеркнуть то обстоятельство, что банки создают свое богатство за счет третьих лиц. Продуцируя деньги из ничего, они снижают их покупательную способность, т. е. облагают граждан «инфляционным налогом»¹.

Система взаимосвязанных банков, основанная на частичном резервировании, многократно усиливает способность создавать «деньги из ничего». Экономистам давно известен эффект денежного мультипликатора². При этом мультипликатор работает не только вперед (на расширение денежной массы), но и назад (на ее сжатие). Он обеспечивает столь же ускоренное сокращение денежной массы в случае, например, изъятия первичного вклада.

Таким образом, банковская система с частичным резервированием производит крайне эластичную денежную массу, которая легко растягивается, но и столь же легко сжимается. Последнее особо заметно в период банковской паники. Происходит уменьшение первичных вкладов, усиливается желание публики держать деньги вне банковской системы, повышение банками нормативов резервирования (ведь надо как-то покрывать усиливающийся отток вкладов), увеличение дефолтов заемщиков³.

И здесь самое место упомянуть о роли центральных банков. «Самое существование банковского дела на началах частичного резервирования неизбежно приводит

¹ «Инфляция, представляя собой мошенническое изъятие собственности, не должна иметь места на свободном рынке» (Ротбард, 2003, с. 57).

² Формула денежного мультипликатора (mm): $mm = \frac{1 + cu}{re + cu}$ где re — отношение резервов к де-

позитам, а cu — отношение наличных денег к депозитам (Дорнбуш, Фишер, 1997, с. 385—386). В России в период кредитного бума 2005—2007 гг. денежный мультипликатор вырос с 2,2 до 3,0 (Журавлев, 2008, с. 19).

³ Из приведенной выше формулы денежного мультипликатора хорошо видно, что изъятие депозитов из банков и перевод их в наличность (увеличение cu) снижает скорость, с какой банковская система способна делать новые безналичные деньги за счет кредитной экспансии. Это частично объясняет, например, тот факт, что, несмотря на беспрецедентные денежные вливания и снижение нормативов резервирования Центробанком РФ осенью 2008 г., денежная масса (так называемый агрегат M2 — наличные деньги в обращении плюс безналичные средства) сокращалась: за сентябрь — на 1,1%, октябрь — на 5,9%, ноябрь — на 2,2% (Денежная масса (национальное определение) в 2008 г.). Другим и, скорее всего, более значимым фактором сжатия денежной массы, явилось добровольное повышение банками нормативов резервирования (re). В этой связи характерно признание председателя правления банка «Возрождение» в интервью журналу «Эксперт»: «У меня лежит сейчас в кассе, в наличных деньгах, восемь миллиардов рублей. Это деньги, выброшенные из оборота. Но я их почему держу? Не дай бог, в одном из моих филиалов или отделений вспыхнет ажиотажный спрос. Нужна «подушка», чтобы быстро заткнуть горячий спрос» (Гурова, Ивантер, 2008, с. 46).

к появлению центрального банка в качестве кредитора последней инстанции» (Уэрта де Сото, 2008, с. 484)¹. Дело в том, что частичное резервирование есть залог неизбежности массовых банковских крахов. И в целях их предотвращения центральные банки (читай — государство) просто выдают рушащимся банкам деньги, когда больше их им никто не дает (как правило, оформленные как кредиты, отсюда — «кредитор последней инстанции»). Таким образом, они выступают в роли костыля для пораженной болезнью частичного резервирования банковской системы.

Характерно, что появление ФРС США явилось результатом политического давления, исходившего от крупных банкиров. Эта история детально описана в работах Ротбарда (Ротбард, 2003; Ротбард, 2009). Заметим также, что «сам факт существования центрального банка многократно расширяет кредит и предложение денег, т. е. умножает инфляционный потенциал государства» (Ротбард, 2003, с. 81).

Способны ли центральные банки бороться с кризисами? Рассуждения на этот счет отнесем на потом. Сейчас же подчеркнем, что, в отличие от этой судорожно расширяющейся и столь же судорожно сжимающейся денежной массы, классический золотой стандарт с требованием 100%-ного резервирования (запретом выдачи кредитов под вклады до востребования) не допускает ни резкого ее роста, ни резкого ее спада. Количество золота на планете Земля определяется не руководителями центральных банков. Ежегодный рост мирового производства золота в последние века составлял 1—2% в год (Уэрта де Сото, 2008, с. 198). Негибкость этой системы, в конечном счете, оборачивается ее достоинством.

«Маниакально-депрессивная» экономика

Каковы же последствия банковской кредитной экспансии, не обеспеченной предварительными добровольными сбережениями? И здесь мы подходим к самой сути кратко описанной в начале предыдущего раздела австрийской теории циклов. Создание кредитов из ничего завывает предложение кредитных ресурсов в экономике. Оно значительно превосходит тот объем, который имел бы место, если бы банки предоставляли кредиты только на основе договоров займа, т. е. на основе фактических сбережений.

В свою очередь, завышенный объем предложения кредитов, как и завышенный объем предложения любых иных благ, сбивает их цену. В данном случае цена — это ставка процента. Она падает ниже той, которая имела бы место в условиях отсутствия кредитной экспансии. Ведь единственный способ, которым банки могут ввести в экономику созданные из ничего новые деньги, — это понизить процентную ставку на кредитном рынке и упростить требования, предъявляемые к заемщикам.

Снижение процентной ставки вызывает вполне логичную и рациональную реакцию предпринимателей — они решают выпускать больше капитальных благ и запускать новые инвестиционные проекты. С одной стороны, чем ниже эта ставка, тем большей представляется цена капитального блага. В результате происходит, как говорят «австрийцы», горизонтальное расширение структуры производства, т. е. рост производства существовавших ранее капитальных благ.

С другой стороны, вместе с понижением ставки процента имеет место и то, что «австрийцы» называют вертикальным удлинением производственной

¹ «Центральный банк — наиболее конкретное историческое доказательство теоретического и практического провала попыток застраховаться от изъятия депозитов при частичном резервировании» (Уэрта де Сото, 2008, с. 300).

структуры, т. е. вхождение предпринимателей во все более удаленные от конечного потребления стадии производства капитальных благ, ранее непривлекательных в силу неприбыльности. Примером таких стадий может быть проектирование новой модели изделия (наиболее далеко отстоящее от потребления), затем заказ под нее оборудования, материалов.

Однако в нашем случае (кредита, не финансируемого предшествующим увеличением добровольных сбережений) эта рациональная реакция предпринимателей не имеет под собой твердого экономического основания — ведь межвременные предпочтения (соотношение ценности настоящих и будущих благ) на самом деле не изменились. Экономические агенты не снизили свою оценку настоящих благ относительно благ будущих, т. е. не сделали выбор в пользу большей жертвы текущим потреблением (= увеличения сбережений) ради потребления в будущем.

В результате возникает рассогласованность поведения. Обратим внимание на тот ключевой момент, что если в реальности экономические агенты не приняли решения увеличивать сбережения, то, следовательно, они не создали источника финансирования новых инвестиций (ресурсного фонда). Предприниматели же делают выбор в пользу таковых лишь под влиянием искаженного сигнала в виде заниженной в результате кредитной экспансии банков процентной ставки. Ложный сигнал столь универсального в рыночной экономике индикатора, как процентная ставка, приводит к их массовым ошибочным действиям, которые и составляют искусственный бум. Ведь, ориентируясь на него, они на протяжении длительного времени полагают, что доступные сбережения куда больше, чем есть на самом деле.

Между тем реальность «отменить» невозможно. И отсюда «*межвременная рассогласованность*» растет все более и более: предприниматели инвестируют, как если бы общественные сбережения все время росли; потребители продолжают потреблять в том же или даже растущем темпе и не заботятся об увеличении сбережений» (Уэрта де Сото, 2008, с. 267).

Итак, рассмотренная выше рассогласованность есть результат недостатка реальных сбережений для завершения инвестиционных проектов¹. Предприниматели инвестировали слишком много и, по большей части, не туда² под влиянием обманчивого впечатления о размере сбережений, созданного банковской кредитной экспансией и обусловленной ею заниженной процентной ставкой³. Однако рыночная реакция на кредитную экспансию со временем обнаруживает

¹ Если вспомнить приводимый ранее пример с двумя индивидами в примитивном обществе, то это равносильно тому, как если бы строитель лестницы ошибся в расчетах, полагая, что ему для ее изготовления понадобится, скажем, лишь два дня. А более везучий индивид накопил запас плодов, которого хватает на потребление его соседа точно на это время. В итоге если сроки затягиваются, то получается, что плоды уже съедены, лестница еще не готова, а новые «источники кредитования» отсутствуют. Вдобавок к потерям физического капитала в виде ресурсов, затраченных на недоделанную лестницу, добавляется дефолт по обязательствам (нет возможности вернуть одолженные плоды, тем более с процентами).

² Весьма ярко это иллюстрирует пример американской компании Global Crossing, обанкротившейся в период Великого технологического краха в США в 2001—2002 гг. Для удовлетворения спроса оказалось достаточно использовать менее 10% проложенных ею оптоволоконных кабелей (Боннер, Уиггин, 2005, с. 15).

³ При этом очень важно обратить внимание на то, что «с экономической точки зрения предоставление кредитов для финансирования покупок потребительских благ длительного пользования неотлично от непосредственного предоставления кредитов капиталоемким стадиям, наиболее удаленным от потребления» (Уэрта де Сото, 2008, с. 307). В этой связи надо иметь в виду, что когда говорится о том, что наибольшему спаду первым делом и в первую очередь подвержен сектор капитальных благ, то он включает и потребительские блага длительного пользования. В эту логику прекрасно вписывается ипотечный кризис в США как своего рода пусковой механизм глобального экономического кризиса.

несоответствие инвестиций и сбережений. После эйфории подъема, надутого этой экспансией, наступает закономерный финал — время отрезвления.

Для экспансионистского подъема характерно увеличение спроса на рабочую силу (в первую очередь со стороны сектора капитальных благ), рост ставок заработной платы, бум на фондовом рынке и расцвет спекуляций. Затем происходит рост спроса на потребительские блага (возросшие доходы рабочих и предпринимателей направляются на потребление).

Переломным моментом оказывается прекращение роста кредитной экспансии (это раньше или позже неизбежно, так как он, как мы знаем, лишен реальной опоры — адекватного роста сбережений как отложенного на будущее потребления) и, как результат, подъем процентных ставок до уровня, предшествовавшего этой экспансии, а то и выше. Объясняется это, в частности, и тем, что почувствовавшие недостаток средств для завершения инвестиционных проектов предприниматели устраивают гонку за кредитными ресурсами.

Первым на этот всплеск процентных ставок реагирует фондовый рынок, на нем происходит крах. Убытки настигают сектор капитальных благ, производятся увольнения работников. Предприниматели закрывают ошибочные инвестиционные проекты, следуют банкротства и приостановки платежей.

Банки также сталкиваются с серьезными трудностями: растет число банковских дефолтов, кредит сжимается. Затем замедляется (или даже падает) производство потребительских товаров и услуг. Происходит рост относительных цен на потребительские блага. Снижаются реальные ставки заработной платы и национальный доход.

В то же время в ходе кризиса происходит коррекция производственной структуры, она укорачивается и сужается. После завершения этой коррекции через некоторое время может снова начаться кредитная экспансия.

Экономическая активность, таким образом, носит циклический характер: проходит через последовательные стадии подъема и спада вслед за кредитной экспансией и последующим сжатием денежной массы. «Австрийцы» называют такую экономику «маниакально-депрессивной».

С таким характером динамики ВВП, напоминающей катание на «американских горках», связаны большие беды. «Маниакально-депрессивный» характер экономической активности со всеми ее тяжелыми и болезненными социальными издержками, вне всяких сомнений, является наиболее пагубным и разрушительным воздействием, оказываемым на общество современной банковской системой...» (Уэрта де Сото, 2008, с. 197).

В качестве примера «пагубного и разрушительного» воздействия выделяют три обстоятельства. Во-первых, это растраниживание капитала и простаивание мощностей. Многие капитальные блага теряют всю свою ценность, когда выясняется, что на них нет спроса. Другие произведенные по ошибке капитальные блага можно будет использовать, но лишь после больших расходов на их перепрофилирование. Для третьих отсутствуют комплементарные капитальные блага, без которых они не могут быть запущены. Заметим, что чем ближе капитальное благо к конечному потреблению, тем труднее его перепрофилировать (например, ошибочно построенный цех в отличие от кирпича, из которого он сложен).

Во-вторых, «маниакально-депрессивная» экономика ведет к угнетению предпринимательского духа. Взлеты, работа на пределе возможностей сменяется психологическими стрессами и усталостью. Кроме того, кредитная экспансия рождает культуру близорукой спекуляции, шальных денег, подрывающей стимулы к длительным сбережениям и труду.

И, наконец, в-третьих, «кажется, будто “маниакально-депрессивное” поведение — неотъемлемое свойство рыночной экономики» (Уэрта де Сото, 2008,

с. 484). Такое поведение, как мы убедились из рассмотрения его анализа австрийской школой, — действительно неотъемлемое свойство, но только не рыночной экономики как таковой, а встроенной в нее банковской системы на началах частичного резервирования, которая «эндогенно, неизбежно и периодически вызывает экономические спады, приводя к необходимости регулярных ликвидаций инвестиционных проектов...» (Уэрта де Сото, 2008, с. 118).

«Химера антициклической политики»

Вынесенное в заголовок раздела выражение принадлежит Мизесу (Мизес, 2005, с. 748). Он совершенно четко понимал, что все традиционные антикризисные меры лишь на короткое время могут отсрочить крах. «Но когда наступит неизбежная расплата, кризис будет тяжелее и продолжительнее того, который отсрочило государство» (Мизес, 2005, с. 749).

Австрийская школа предлагает идеальное решение, избавляющее от экономических кризисов как следствий кредитной экспансии. Суть его заключается в свободной банковской деятельности с обязательным 100%-ным резервированием, ликвидации центральных банков и введении и установлении чистого золотого стандарта. Надо сказать, что оно детально рассмотрено в книге Уэрта де Сото. Более того, им предложен и поэтапный (состоящий из пяти последовательных шагов) переход от ныне действующей к этой идеальной системе (Уэрта де Сото, 2008, с. 601—614).

Вместе с тем очевидно, что мощнейший альянс государства и построенной на принципе частичного резервирования банковской системы в обозримом будущем не позволит реализовать замысел. В таком случае нельзя не считаться с неизбежностью экономических кризисов. И в хозяйственной системе с такой дефектной постановкой банковского дела они играют положительную роль.

«...Экономический спад представляет собой начало стадии *восстановления*, так как в этой фазе обнажаются совершенные ранее ошибки, ликвидируются ошибочно запущенные инвестиционные проекты, а рабочая сила и остальные производственные ресурсы начинают переливаться в те секторы и на те стадии, где они наиболее ценны для потребителя» (Уэрта де Сото, 2008, с. 327).

Спад столь же здоров и необходим, сколь и мучителен. И когда встает вопрос: что делать, если экономика уже охвачена кризисом, — то ответ вытекает из тех функций, которые кризис выполняет. А он обеспечивает структурную перестройку — перемещение факторов производства между отраслями и компаниями. Следовательно, нужно по максимуму убрать препятствия, стоящие на пути этого перемещения. Это значит сделать экономику гибкой, насколько возможно, с тем чтобы не мешать корректировке.

Повышение гибкости означает дерегулирование рынков, прежде всего рынков факторов производства, и в первую очередь рынка труда. Надо дать свободному рынку возможность производить корректировку ошибочной производственной структуры настолько быстро, насколько он в состоянии это сделать.

Неоднократно цитировавшийся нами выше Уэрта де Сото перечислил основные распространенные государственные антикризисные меры и суммировал направленные против них аргументы австрийской школы, указывающие на тот вред, который они с собой несут (Уэрта де Сото, 2008, с. 330—332).

1. Предоставление кредитов компаниям.

Этот шаг может оттянуть наступление кризиса, но сделает последующую организацию более жесткой и сложной, так как задерживается ликвидация ошибочных инвестиционных проектов, тормозится структурная перестройка. Более того, поддерживаемое государством продолжение кредитной экспансии

способно наплодить еще больше ошибочных инвестиций. При этом центральные банки могут продлить кредитную экспансию, создать на некоторое время иллюзию выздоровления, но в конечном итоге расширение этой экспансии ведет к более разрушительным и глубоким экономическим кризисам, чем свободная банковская деятельность с частичным резервированием.

2. *«Политика полной занятости», стремящаяся гарантировать сохранение рабочих мест.*

Поскольку безработица тем выше, чем дальше от конечного потребления располагается то или иное производство, то «законсервированные» на этих рабочих местах работники не смогут тратить попавшие в их карманы деньги таким способом, который позволит сделать сферы их занятости прибыльными. Так что проблема останется.

3. *Манипулирование процентной ставкой.*

Эта любимая игра центральных банков оказывает самое негативное воздействие на процесс ликвидации уже сделанных предпринимательских ошибок и, что хуже всего, порождает новые. Процент должен отражать реальные предпочтения субъектов экономики относительно сбережения и потребления, а не представления о «должном» тех, кто им манипулирует.

4. *Финансируемые государством инвестиционные проекты или общественные работы.*

Это отвлекает ресурсы из тех областей экономики, где они должны находиться согласно предпочтениям потребителей. Такие решения с самого начала генерируют ошибочные инвестиции.

История, которая, как известно, никого ничему не учит, накануне нынешнего кризиса поставила замечательный эксперимент. Явила в назидание человечеству Японию, которая вот уже почти 20 лет как не может избавиться от почти постоянной депрессии. 1990-е гг. там называют «потерянным десятилетием». Если за предшествующие кризису 10 лет японская экономика выросла на 48% (среднегодовой рост порядка 4%), то за посткризисную декаду она увеличилась лишь на 12% (1,1% в среднем за год). Лопнувший же в 1990—2002 гг. финансовый пузырь похоронил активов на 1500 трлн иен — сумму, эквивалентную трем годовым ВВП страны (для сравнения: во время Великой депрессии в США в 1929—1933 гг. обвал акций и цен на недвижимость равнялся одному ВВП) (Ивантер, 2009, с. 80).

Представители австрийской экономической школы всесторонне изучили тщетные попытки Японии выйти из кризиса¹. Особо стоит выделить в этом ряду статью Пауэлла, в которой он убедительно показал, что японское правительство опробовало буквально все рецепты ведущих макроэкономических школ. И — безрезультатно. Ни кейнсианские, ни монетаристские рецепты не принесли никаких положительных сдвигов. Не был опробован только рецепт австрийской школы — рекомендуемый ими принцип невмешательства государства в экономику, сокращения налогов и, обязательно, государственных расходов. «Для восстановления японской экономики правительство должно прекратить свое вмешательство в экономический процесс и позволить рыночным силам преобразовать структуру производства в соответствии с предпочтениями потребителей» (Пауэлл, 2003, с. 127).

В 2008 г. весь мир стал «превращаться в Японию». На высокую вероятность такого развития будущих событий в США и мире заранее указывали экономис-

¹ См. статьи Бенджамин Пауэлла, Джеффри Хербренера, Джерри Джексона и Фрэнка Шостака в цитированной выше книге «Маэстро бума. Уроки Японии» (Пауэлл, 2003, с. 108—129; Хербренер, 2003, с. 137—154; Джексон, 2003, с. 161—165; Шостак, 2003, с. 166—170, 171—184).

ты австрийской школы. А в работе У. Боннера и Э. Уиггана целая глава под названием «Превращение в японцев» посвящена проекции японского кризиса на США (Боннер, Уиггин, 2003, с. 110—148). В то же время США и весь мир пытаются выйти из кризиса ровно теми же методами, которые загнали Японию в непрекращающуюся депрессию.

Что тут можно сказать? Можно, конечно, вспомнить Ротбарда, который писал: «Правительство никогда не должно оказывать помощь в неустойчивых деловых ситуациях; оно не должно спасать от банкротства или ссужать деньгами предприятия, переживающие трудности. Это всего лишь продлит агонию и превратит острую и скоротечную фазу депрессии в продолжительную хроническую болезнь» (Ротбард, 2002, с. 167). Однако политики никогда не внимают словам, а следуют собственным интересам, интересам ведущих лоббистов и предрассудкам толпы.

Источники

- Берри Н. П. Австрийская экономическая школа: расхождение с ортодоксией // Панорама экономической мысли конца XX столетия / под ред. Д. Гринуэя и др. СПб., 2002. Т. 1.
- Боннер У., Уиггин Э. Судный день американских финансов: мягкая депрессия XXI века. Челябинск, 2005.
- Бурда М., Виллош Ч. Макроэкономика. СПб., 1998.
- Гурова Т., Ивантер А. Последний из могикиан // Эксперт. 2008. № 43.
- Денежная масса (национальное определение) в 2008 году. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.cbr.ru/statistics/credit_statistics/MS.asp
- Джексон Дж. Японская экономика и кейнсианские заблуждения // Маэстро бума. Уроки Японии. Челябинск, 2003.
- Дорнбуш Р., Фишер С. Макроэкономика. М., 1997.
- Журавлев С. Реанимация слушает // Эксперт. 2008. № 50.
- Ивантер А. Сколько камней в саду Реандзи? // Эксперт. 2009. № 1.
- Кэллахан Дж. Экономика для обычных людей. Основы австрийской экономической школы. Челябинск, 2006.
- Матвеев В. Д., Гуревич А. М. Модели эндогенного роста, их развитие и перспективы // Экономические исследования: теория и приложения. СПб., 2000. Вып. 1.
- Мизес Л. Австрийская теория экономического цикла // Бум, крах и будущее: анализ австрийской школы. М., 2002.
- Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. Челябинск, 2005.
- Никифоров О. А., Антипина О. Н., Миклашевская Н. А. Макроэкономика: научные школы, концепции, экономическая политика. М., 2008.
- Пауэлл Б. Объяснение японской рецессии // Маэстро бума. Уроки Японии. Челябинск, 2003.
- Ротбард М. Государство и деньги: как государство завладело денежной системой общества. Челябинск, 2003.
- Ротбард М. История денежного обращения и банковского дела в США: от колониального периода до Второй мировой войны. Челябинск, 2009.
- Ротбард М. Показания против Федерального резерва. Челябинск, 2003.
- Ротбард М. Экономические депрессии: их причины и методы лечения // Бум, крах и будущее: анализ австрийской школы. М., 2002.
- Уэрта де Сото Х. Австрийская экономическая школа. Челябинск, 2007.
- Уэрта де Сото Х. Деньги, банковский кредит и экономические циклы. Челябинск, 2008.
- Хайек Ф. фон. Цены и производство. Челябинск, 2008.
- Хербренер Дж. Восход и закат японского чуда // Маэстро бума. Уроки Японии. Челябинск, 2003.
- Шостак Ф. Инфляция, дефляция и будущее // Маэстро бума. Уроки Японии. Челябинск, 2003.
- Шостак Ф. Может ли денежная эмиссия оживить японскую экономику? // Маэстро бума. Уроки Японии. Челябинск, 2003.
- Шостак Ф. Может ли инфляция иены спасти Японию? // Маэстро бума. Уроки Японии. Челябинск, 2003.
- Hayek F. A. Monetary Theory and the Trade Cycle. N.Y., 1966.
- Reckard S., Hsu T. Feds seize, sell WaMu in biggest U.S. bank failure // Los Angeles Times. 2008. 26 Sept.
- The Elgar Companion to Austrian Economics / ed. by P. J. Boettke. Cheltenham, 1994.